

Рецензируемая книга принадлежит перу одного из самых известных в современной российской социологии авторов — чл.-корр. РАН, главному редактору журнала «Социологические исследования», доктору философских наук, профессору Ж.Т. Тощенко. Для автора монография является знаковой — она вышла накануне его 80-летнего юбилея. Новая монография завершает авторскую трилогию, посвященную изменениям общественного сознания россиян в постсоветскую эпоху и включающую, кроме последней монографии, две более ранние: «Парадоксальный человек» (Тощенко 2001) и «Кентавр-проблема» (Тощенко 2011). Как и две предыдущие, данная работа опирается в теоретико-методологическом отношении на западную парадигму травмы, которая широко привлекалась в России 1990-х гг. для интерпретации негативной реакции значительной части населения на радикальные социально-экономические перемены. Термин «травма» быстро «вписался» в постсоветский научный контекст и стал использоваться как понятийная рамка в анализе ряда ситуаций, требующих научного объяснения. Как считает Ж.Т. Тощенко, многие российские ученые использовали идеи парадигмы травмы, не употребляя сам термин. Так, Ж.Т. Тощенко называет экономистов О.Т. Богомолова, С.Ю. Глазьева, Р.С. Гринберга, политика Ю.А. Красина, социологов М.К. Горшкова, Ю.А. Леваду, А.А. Ослона, Н.Е. Покровского, В.А. Ядова, культурологов В.А. Межуева, О.Н. Смолина и др. (с. 19). Если проанализировать труды ведущих социологов России, эмпирически исследующих социальные изменения с опорой на данные общероссийских опросов, можно убедиться, что парадигма травмы и сегодня остается актуальным конструктом в интерпретации реальных событий и их восприятия в общественном мнении россиян. Использование терминологии и методологии парадигмы травмы помогает российским авторам «говорить на языке», понятном зарубежным ее сторонникам (Дж. Александер, П. Штомпка, Р. Айерман и др.) (см. Штомпка 2001; Alexander et al. 2004).

Однако Ж.Т. Тощенко использует не только парадигму травмы. Развиваемая им в последние десятилетия «социология жизни» содержательно близка постмодернистским концепциям: концепции текучей современности З. Баумана, концепции симулякр Ж. Бодрийяра и культуральной социологии Дж. Александера. В рецензируемой монографии «Фантомы российского общества» Ж.Т. Тощенко прямо пишет об этом: «...автор дает характеристику общества как общества травмы...» и ссылается на П. Штомпку, Дж. Александера, других

Титаренко Лариса Григорьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (larisa166@mail.ru)

Titarenko Larisa — Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University (larisa166@mail.ru)

зарубежных авторов, работающих в этой парадигме (с. 10). По мнению Ж.Т. Тощенко, концепция травмы как нельзя лучше подходит для объяснения того, что происходит в России: «Россия столкнулась с таким ее новым и специфическим поворотом, когда трактовка происходящих изменений в мире и в конкретных обществах в категориях травмы имеет огромный смысл с точки зрения объяснения сущности ее понимания и использования» (с. 49). Тощенко не просто переносит парадигму травмы на российскую почву, он вводит в нее некоторые нюансы, изменения, которые сохраняют сущность парадигмы и одновременно соответствуют, с позиции автора, особенностям геополитического положения России как страны, соединяющей Запад и Восток. Так, автор утверждает, что интерпретация происходящего посредством аппликации одного из двух известных в социальной науке путей развития, эволюции и революции, тем более их противопоставления, не адекватны применительно к России: «На наш взгляд, происходит ни то, ни другое. Россия представляет собой травмированное общество, которому присущи противоречивые, взаимоисключающие ориентации и установки. На наш взгляд, развитие российского общества характеризуется половинчатой и непоследовательной реставрацией части социалистических традиций и норм жизни, сочетающейся с модификацией, но не отказом от принципов рыночного либерализма и попытками сочетать путь, по которому идет “европейская цивилизация”, но с учетом особой евразийской ориентации» (с. 50). Именно ситуация травмы, по мнению Ж.Т. Тощенко, «породила также многочисленные необычные феномены, как парадоксальность, кентавризм, различные формы этнократии, теократии и другие фантомы» (с. 50). Ж.Т. Тощенко определяет современную российскую ситуацию как травму и антиномию, приводя следующие аргументы: (1) в то время как российское общество объективно созрело для глубинных изменений, в нем имела место «абсолютизация или превалирование идей одних социальных групп над другими», т. е. игнорирование существующих взаимоисключающих взглядов на будущее страны и способы его достижения, противоречия между сторонниками и противниками либерализма; (2) разрыв между широкообещательными обещаниями политических элит и реальной жизнью миллионов людей; (3) манипулирование общественным сознанием, осуществленное властью имущими «группами давления» (Тощенко 2014: 46). Все это, по мнению автора, способствовало превращению травмы и антиномии в характерные черты общественного сознания и поведения всего населения постсоветской России.

Россия не является уникальной страной, переживающей травматическую ситуацию после радикальных социальных перемен. Не уникальны и раздражающие ее противоречия и антиномии: они в той или иной мере были присущи всем посткоммунистическим странам. Однако адаптация каждой страны к травмирующим процессам проходила везде по-разному. Если Польша имела специфическое культурное наследие прошлого, способствовавшее адаптации в процессе радикальной трансформации (католичество, национализм, фетишизация Запада), то в России и ряде других постсоветских стран таких культурных условий не было, что сделало травму чрезвычайно болезненной. Однако и в Польше радикальные травматические реформы породили ряд синдромов

(недоверия, ностальгии, апатии и т. п.), которые преодолевались годами. По мнению П. Штомпки, их преодолению способствовал подъем польской экономики, устранение аномии, рост капитала, вхождение в ЕС и т. п. Только при полном исчезновении «культурного наследия прошлого», как считает польский социолог, «можно ждать прочного излечения посткоммунистической травмы», что обычно происходит после смены поколений (Штомпка 2001: 11). Российская ситуация, безусловно, иная.

Как показано в работах Ж.Т. Тощенко, культурное наследие российского (включая советское) прошлого оказалось очень влиятельным, доверие к власти полностью не восстановилось, а процессы социально-экономического роста в стране оказались во многом имитационными. Значительная часть россиян и сейчас находится в состоянии апатии, безразличия к происходящему, т. к. она не имеет рычагов влияния на власть и не доверяет ей. Этот вывод полностью вписывается в концепцию травмы Штомпки, который считал, что результатом культурной травмы может быть как разрушение культуры, так и культурная реконструкция (в зависимости от уровня адаптации к травме и других условий). С этой точки зрения нельзя не согласиться с Ж.Т. Тощенко: состояние травмы, связанное с распадом СССР, затянулось в России и вызвало к жизни многие уродливые социальные и культурные формы. Определяя травму как двойственный феномен, Ж.Т. Тощенко указывает, что современное российское общественное сознание становится показателем крайне противоречивых изменений во всех сферах общественной жизни — как объективных, так и субъективных (с. 14). Автор считает, что острые противоречия стали наглядно проявляться в 1990-е гг., после вступления России в рыночную экономику, которое усугубило процессы деформации общественной жизни, породило новые расколы общественного сознания, сделав антиномичность и травмированность «характерными чертами общественного сознания всего населения постсоветской России» (с. 17).

Следуя в русле избранной методологии, Тощенко считает, что при анализе российской травмированности исследователь должен уделять значительное внимание «коллективному агентству — активной, движущей силе социального изменения, присущей человеческим коллективам», поскольку коллективные агенты имеют доступ к различным культурным и структурным ресурсам, а, следовательно, существенно влияют на ход и результаты проходящих реформ (с. 18). Российский коллективный агент оказался не столько креативным, сколько имитационным, поэтому и результаты его деятельности скорее имитируют изменения социальных институтов, процессов, нежели их реальную трансформацию, и провоцируют на имитационную деятельность другие слои населения. Подобные имитации стали всеохватывающими, хотя они не являются специфичными только для России: «Одной из характерных и специфических особенностей современной общественной жизни в мире, в том числе и в России, стали процессы, которые отражают подмену деятельности во всех ее проявлениях — имитацией на всех уровнях организации общественной жизни» (с. 314). Российский социолог называет эти феномены гипертрофированной имитацией: «... имитация во все большей мере пронизывает буквально все сфе-

ры жизни общества — и политику, и экономику, и культуру, и социальную жизнь. Т. е. происходит чудовищный, гигантский по своим масштабам процесс...», который западные исследователи назвали симулякром (Ж. Делёз, Ж. Бодрийяр), текучей современностью (З. Бауман), перформансом (Дж. Александер) и др. (с. 314–315). Сам Тощенко определяет его как парадоксальность и кентавризм. Он дает такую интерпретацию имитации: это «подделка, правдоподобие, причем нередко (но не только) умышленная, с целью ввести в заблуждение или скрыть истинные намерения инициаторов псевдодеятельности» (с. 315). Поскольку исходной базой имитации, по его мнению, является «отсутствие четко очерченной стратегической цели в развитии общества и его сфер, социальных институтов, организаций и процессов» (с. 316), широкое распространение имитации свидетельствует о том, что страна развивается в неизвестном направлении. Каждый коллективный и индивидуальный агент, имеющий власть, имитирует управленческую деятельность на благо страны, на самом деле реализуя свои собственные интересы.

Итак, российскому обществу была нанесена травма, т. к. в процессе реформ ожидания значительных слоев общества не оправдались. В подтверждение этого вывода автор приводит данные собственных исследований, а также исследований под руководством М.К. Горшкова, В.Э. Бойкова и др. В результате массового разочарования власть утратила доверие народа, потеряла легитимность в его глазах. Ухудшилось социальное самочувствие и социальное благополучие масс. Вполне закономерен итог: население не знает, куда идет Россия, а власть не знает, куда его вести.

Истоки процессов травматизации и деформации общества как основы формирования «общества травмы» были заложены, по мнению автора, еще в эпоху перестройки. Уже тогда общество поляризовалось: одна часть стала выступать за либеральный путь развития страны, другая хотела лишь улучшения старого. Эта же дилемма, только видоизмененная, сохраняется и теперь, причем противоречивые суждения и ориентации могут иметь место у одних и тех же людей и групп общества. Эта неопределенность, вызванная кардинальными социально-экономическими и политическими сдвигами в обществе, и послужила основой для возникновения специфических социальных феноменов, получивших у Ж.Т. Тощенко наименования парадоксов, кентавризмов и т. п. Они могли существовать в латентном виде и в условиях стабильного советского общества, но получили мощный толчок к развитию в период краха СССР и кризисного российского развития в 1990-е гг. «Действие этих феноменов часто ведет к потрясениям, изменениям в судьбах миллионов людей, деформирует общественное сознание, порождает деструктивные последствия. Это наглядно продемонстрировала постсоветская Россия, породив множество таких образований, которые, казалось, выпадают из логики общественного развития» (с. 655).

Новая монография по сравнению с двумя предыдущими демонстрирует концептуальное развитие авторского подхода и одновременно сохраняет преемственность его фундаментальных выводов. Еще в работе «Парадоксальный человек» Ж.Т. Тощенко детально проанализировал предмет исследования как

социальный феномен и показал, что общественное сознание и поведение россиян не только расколото, раздроблено, но и зачастую парадоксально. Автор представил парадоксального человека как социально-антропологический тип личности, который раскрывает имплицитную суть происходящих в российском обществе 1990-х гг. процессов. В общественном сознании России широко распространились взаимоисключающие ориентации, которые противостоят друг другу. Автор считает, что опасность и специфика такой ситуации в том, что и общество в целом, и составляющие его социальные группы и слои, и, наконец, человек как личность парадоксальны, т. е. они представляют собой уникальные противоречивые феномены. Эти феномены, по его мнению, во многом олицетворяют и сегодняшний облик страны. Опасность данного феномена (парадоксального человека) заключается в том, что отдельный человек может одновременно интериоризировать противоположные ценности как свои жизненные ориентиры, доверять взаимоисключающим утверждениям, в результате чего он потеряет четкие жизненные ориентиры, станет жертвой манипулирования сознанием и поведением. Он не сможет самостоятельно ставить и целенаправленно достигать определенных целей, т. к. его ценности будут его ориентировать в разных направлениях.

Ж.Т. Тощенко убедительно показал, что в постсоветском обществе плюрализация становится первостепенной характеристикой сознания и поведения населения. Такая ситуация означает, что общество не может успешно продвигаться в каком-либо одном конкретном направлении. По мнению Тощенко, постсоветский человек вообще — прибежище многих парадоксов, которые свидетельствуют о его «переходной» природе, и остается лишь гадать, как скоро этот «парадоксальный человек», сформировавшийся на постсоветском пространстве, сможет стать «нормальным», то есть сделает окончательный выбор либо в пользу прежних ценностей, превратившись в открытого сторонника и защитника идеалов социализма, либо избавится от старых социалистических иллюзий и сознательно примет позицию реального рыночного общества, со всеми его противоречивыми возможностями и «рисками».

В монографии «Кентавр-проблема» ученый выявил эти феномены в процессе анализа парадоксальности сознания и поведения населения постсоветской России. Он пишет, что кентавризмы возникают тогда, когда происходящие процессы и действия людей могут быть описаны как «сочетание несочетаемого», «совмещение несовместимого» (Тощенко 2011: 441). На основе анализа реальной социальной практики, результатов многих крупных социологических исследований автором была объяснена реальность одновременного существования в России взаимоисключающих начал, возможность их познания и целенаправленного на них воздействия. Исследуя эти формально логически несовместимые ориентации в сознании и поведении людей, в деятельности организаций, институтов, социальных общностей, автор пришел к выводу, что «кентавр-проблема — особая форма противоречия, особое проявление парадоксов», имеющая особенные, специфические, уникальные черты. Ж.Т. Тощенко скрупулезно исследовал гносеологические корни кентавризма, показал его социальную сущность, экономические и политические формы

проявления на российском пространстве. Ж.Т. Тощенко провел подробный анализ социальных проявлений «кентавр-проблем», механизмов их распространения в обществе. Благодаря этому ему удастся создать весьма содержательную в социологическом плане картину многообразных внутренне противоречивых, несовместимых между собой феноменов общества. Погруженность в широкое эмпирическое поле привела автора к выводу о необходимости создания новой теории для осмысления современной российской реальности, к отказу от «устаревших схем» (Тощенко 2011: 6). Поэтому «теорию кентавризмов» Тощенко можно считать концепцией, сконструированной для осмысления постсоветской современности с методологических позиций, известных по концепциям общества риска У. Бека, позднего модерна Э. Гидденса, текущей современности З. Баумана, теории симулякров Ж. Бодрийяра. Здесь теория травмы не упоминается, хотя российская реальность описывается как деформированная и травмированная происходящими в ней радикальными изменениями. Вывод Ж.Т. Тощенко о наличии в реальности современного общества неразрешимых социальных и гносеологических проблем сближает его позицию с авторами, развивающими в западной теоретической социологии проблемы модерна, которые также подчеркивают неизбежность наличия в современном обществе внутренне неразрешимых проблем. И все же картина кентавризмов у Ж.Т. Тощенко осталась незавершенной в теоретическом отношении. Требовался переход от анализа парадоксальности и кентавризмов на более высокий уровень обобщения. Так Тощенко подошел к своей теории феноменов, которая, по сути дела, является постмодернистской версией российской теории травмы.

Фантомы в представлении автора являются особым вариантом парадоксальности и кентавризма, в котором сочетаются различные противоречивые тенденции. В конечном счете они «образуют реально функционирующие типы личности, не замечающие этого противоречия, а также социальные процессы и даже уникальные случаи их существования, которые автор называет социальными протуберанцами...» (с. 657). Поскольку феномен «фантомы» не получил пока должного философско-социологического анализа в российской литературе, это побудило автора разобраться в данном уникальном явлении. Автор уверен, что есть социологическая методология и методика исследования данного феноменального явления, которая «позволяет сосредоточиться на его социальных предпосылках, истоках, причинах, и логике познания этих процессов» (с. 658).

Концепция фантомов Ж.Т. Тощенко имеет научную новизну по сравнению с его прежними работами. По его собственному мнению, новизна проявляется в анализе глубинных причин, которые порождают фантомы, с позиций парадигмы травмы, и которые ранее не замечались либо игнорировались другими авторами. Такой подход позволяет квалифицировать современную российскую ситуацию не как революцию или эволюцию, а как травмирующую ситуацию. «Ситуация социальной травмы дает основание считать, что в недрах общества происходят процессы, имеющие под собой другие основания, нежели процессы революции или эволюции. Если эволюционный и революционный пути

преобразования общества исследованы сравнительно полно, то общество травмы или травмированное общество остается мало изученным, и потому во многом неопределенным и неясным» (с. 658). Только в «травмированном обществе», как утверждает Ж.Т. Тощенко, могли появиться фантомы и фантомные личности как «генеральная тенденция» развития. Поэтому к российскому обществу надо подходить именно с этих научных позиций.

Особую значимость приобретает включение в этот анализ понятия «текущая современность», которое, по мнению З. Баумана, дает возможность взглянуть на глубинные процессы современного развития так, что вывод о влиянии фантомов на повседневную практику приобретает принципиально новые очертания. (с. 659). Широкое использование автором метафор, художественного языка также является типичным для теоретизирования в эпоху постмодерна и еще больше сближает концептуальный подход российского ученого с подходами З. Баумана, Дж. Урри, Ж. Бодрийяра и других современных западных авторов.

Литература

Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001.

Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). М.: Нов. хронограф, 2011.

Тощенко Ж.Т. Травма и антиномия — новые черты общественного сознания и поведения в современной России // Социология, 2014, 4, с.45–60.

Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.

Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования, 2001, 2, с. 3–12.

Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., and Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press, 2004.